

І. НЕОБЫКНОВЕННОЕ УТРО

5

В семь часов тридцать две минуты утра веселый солнечный зайчик проскользнул сквозь дырку в шторе и устроился на носу ученика пятого класса Вольки Костылькова. Волька чихнул и проснулся.

Как раз в это время из соседней комнаты донесся голос матери:

— Нечего спешить, Алеша. Пусть ребенок еще немножко поспит — сегодня у него экзамены.

Волька досадливо поморщился. Когда это мама перестанет наконец называть его ребенком? Шуточки — ребенок! Человеку четырнадцатый год пошел...

— Ну что за чепуха! — ответил за перегородкой отец. — Парню уже тринадцать лет. Пускай встает и помогает складывать вещи. У него скоро борода расти начнет, а ты все: ребенок, ребенок...

Складывать вещи! Как он мог это забыть?! Волька ментально сбросил с себя одеяло и стал торопливо натягивать штаны. Как он мог забыть! Такой день!

Семья Костыльковых переезжала сегодня на новую квартиру. Еще накануне вечером почти все вещи были запакованы. Мама с бабушкой уложили посуду на дно ванночки, в которой когда-то, давным-давно, купали младенца Вольку. Отец, засучив рукава и по-сапожники набрав полный рот гвоздей, заколачивал ящики с книгами и в спешке заколотил в одном из них учебник географии, хотя даже ребенку ясно, что без учебника сдавать испытание невозможно.

— Ладно, — сказал отец, — на новой квартире разберемся.

Потом все спорили, где складывать вещи, чтобы удобнее было их выносить утром на подводу. Потом пили чай по-походному, за столом без скатерти, сидя на ящиках, а Волька очень удобно устроился на футляре из-под швейной машины. Потом решили, что утро вечера мудренее, и легли спать.

Одним словом, уму непостижимо, как это он мог забыть, что они сегодня утром переезжают на новую квартиру.

Не успели напиться чаю, как в квартиру постучались. Затем вошли двое грузчиков. Они широко распахнули обе половинки двери и зычными голосами спросили:

— Можно начинать?

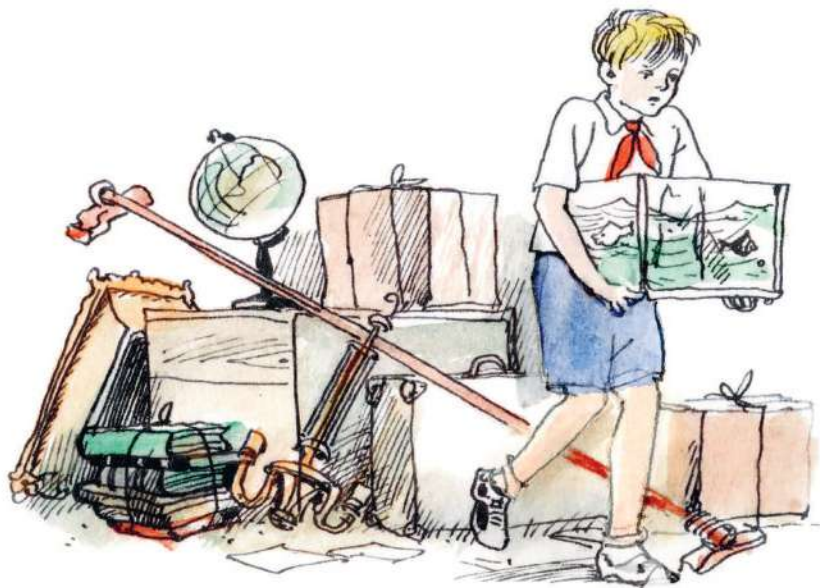
— Пожалуйста, — ответили одновременно мать и бабушка и страшно засуетились.

Волька торжественно вынес на улицу, к фургону, диванные валики и спинку. Его сразу окружили ребята, игравшие на дворе.

— Переезжаете? — спросил у него Сережа Кружкин, веселый паренек с черными хитрыми глазами.

— Переезжаем, — сухо ответил Волька с таким видом, как будто он переезжал с квартиры на квартиру каждую

шестидневку и будто в этом не было для него ничего удивительного.

Подошел дворник Степаныч, глубокомысленно свернул сигарку и неожиданно завел с Волькой солидный разговор, как равный с равным. У мальчика от гордости и счастья слегка закружилась голова. Он с уважением отозвался о сложности дворницкой профессии, потом набрался духу и пригласил Степаныча в гости на новую квартиру. Дворник сказал «мерси». Словом, налаживалась серьезная и положительная беседа двух мужчин, когда вдруг из квартиры раздался раздраженный голос матери:

— Волька! Волька! Ну куда девался этот несносный ребенок?

И все сразу пошло прахом. Дворник, еле кивнув Вольке, принялся с ожесточением подметать улицу. Ребята сделали вид, будто безумно увлеклись слепым щенком,

которого еще вчера неведомо откуда приволок на бечевке Сережа. А Волька, понутив голову, пошел в опустевшую квартиру, в которой сиротливо валялись обрывки старых газет и грязные пузырьки из-под лекарств.

— Наконец-то! — накинулась на него мать. — Бери свой знаменитый аквариум и срочно влезай в фургон. Будешь там сидеть на диване и держать аквариум в руках. Только смотри не расплескай воду.

Непонятно, почему родители так нервничают, когда переезжают на новую квартиру.

II. ТАИНСТВЕННАЯ БУТЫЛКА

В конце концов Волька устроился в фургоне неплохо. Конечно, в грузовике приятней, но зато вся дорога промелькнула бы чересчур уж быстро. К тому же, что ни говорите, поездка в крытом фургоне куда романтичнее.

Внутри фургона царил таинственный прохладный полумрак. Если зажмурить глаза, можно было свободно представить, будто едешь не по Настасьинскому переулку, в котором прожил всю свою жизнь, а где-то в Америке, в суровых пустынных прериях, где каждую минуту могут напасть индейцы и с воинственными кликами снять с тебя скальп. За диваном возвышался ставший вдруг необыкновенно интересным и необычным перевернутый вверх ножками обеденный стол. На столе дребезжало ведро, наполненное какими-то пыльными склянками. У боковой стенки фургона тускло блестела никелированная кровать. Старая бочка, в которой бабушка квасила на зиму капусту, удивительно напоми-

нала бочки, в которых пираты старого Флинта хранили ром.

Сквозь дыры в стенке фургона проникали тонкие столбики солнечных лучей.

И вот наконец фургон, скрипя, остановился у подъезда их нового дома. Грузчики ловко и быстро перетаскивали вещи в квартиру и уехали в бодро дребезжащем фургоне.

Отец, кое-как расставив вещи, сказал:

— Остальное доделаем после работы.

И ушел на завод.

Мать с бабушкой принялись распаковывать посуду, а Волька решил тем временем сбегать на реку. Правда, отец предупредил, чтобы Волька без него не смел ходить купаться, потому что тут страшно глубоко, но Волька быстро нашел для себя оправдание.

«Мне необходимо выкупаться, — решил он, — чтобы была свежая голова. Как это я могу явиться на испытание с несвежей головой?!»

Просто удивительно, как Волька умел всегда придумывать оправдание, когда ему хотелось нарушить обещание, данное родителям.

Это очень удобно, когда речка находится недалеко от дома. Волька сказал маме, что пойдет на берег готовиться по географии. Прибежав к речке, он быстро разделся и бросился в воду. Шел одиннадцатый час, и на берегу не было ни одного человека. В этом обстоятельстве были свои хорошие и плохие стороны. Хорошо было то, что никто не мог ему помешать выкупаться и поплавать. Обидно только, что по той же причине никто не мог возторгаться, как красиво и легко Волька плавает и, в особенности, как он замечательно ныряет.

Волька наплавался и нанырлся до того, что буквально посинел. Тогда он стал вылезать на берег, но в последнюю минуточку передумал и решил еще раз нырнуть в ласковую прозрачную воду, до дна пронизанную ярким полуденным солнцем.

И вот в тот самый момент, когда он уже собирался подняться на поверхность, его рука вдруг нащупала на дне реки какой-то продолговатый предмет. Он схватил его и вынырнул у самого берега. В его руках была склизкая, замшелая глиняная бутылка очень странной формы. Горлышко было наглухо замазано каким-то смолистым веществом, на котором было выдавлено что-то, отдаленно напоминавшее печать.

Волька прикинул бутылку на вес. Бутылка была тяжелой, и Волька обмер.

«Клад! — мгновенно пронеслось у него в мозгу. — Клад со старинными золотыми монетами. Вот это здорово!»

Наспех одевшись, он помчался домой, чтобы в укромном уголке распечатать бутылку.

Когда Волька добежал до дому, в его голове уже окончательно сложилась заметка, которая завтра появится во всех газетах. Он даже придумал название. Она должна была называться: «Честный поступок». Текст ее должен был быть примерно такой:

«Вчера в 24-е отделение милиции явился пионер Володя Костыльков и вручил дежурному клад из старинных золотых монет, найденный им на дне реки. По сведениям из достоверных источников, Володя Костыльков — прекрасный ныряльщик».

Волька вбежал в квартиру и, проскользнув мимо кухни, где мама с бабушкой готовили обед, юркнул в комнату и прежде всего запер на ключ дверь. Затем вытащил из кармана перочинный нож и, дрожа от волнения, соскреб печать с горлышка бутылки.

В то же мгновение вся комната наполнилась едким черным дымом, и что-то вроде бесшумного взрыва большой силы подбросило Вольку к потолку, где он и повис, зацепившись штанами за ламповый крюк.

11

III. СТАРИК ХОТТАБЫЧ

Пока Волька пытался, раскачиваясь на крюке, придумать мало-мальски правдоподобное объяснение всему приключившемуся, дым в комнате понемножку рассеялся, и Волька вдруг увидел, что в комнате, кроме

него, находится еще одно живое существо. Это был тощий старик с бородой по пояс, в роскошной шелковой чалме, в таком же кафтане и шароварах и необыкновенно вычурных сафьяновых туфлях.

— Апчхи! — оглушительно чихнул неизвестный старик и пал ниц. — Приветствую тебя, о прекрасный и мудрый отрок!

— Вы иллюзионист из цирка? — догадался Волька, с любопытством оглядывая сверху незнакомца.

— Нет, повелитель мой, — продолжал старик, — я не иллюзионист из цирка. Знай же, о благословеннейший из прекрасных, что я Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, или, по-вашему, Гассан Абдуррахман Хоттабович. И случилась со мной — апчхи! — удивительная история, которая, будь она написана иглами в уголках глаз, послужила бы назиданием для поучающихся. Я, несчастный джинн, послушался Сулеймана ибн Дауда — мир с ними обоими! — я и брат мой, Омар Хоттабович. И Сулейман прислал своего визиря Асафа ибн Барахию, и он привел меня насильно, ведя меня в унижении против моей воли. И Сулейман ибн Дауд — мир с ними обоими! — приказал принести два сосуда: один медный, а другой глиняный, — и заточил меня в глиняном сосуде, а брата моего, Омара Хоттабовича, в медном. Запечатал он оба сосуда, оттиснув на них величайшее из имен Аллаха, а потом отдал приказ джиннам, и они понесли нас и бросили брата моего в море, а меня — в реку, из которой ты, о благословенный спаситель мой, — апчхи, апчхи! — извлек меня. Да продлятся дни твои, о... Извиняюсь, как твое имя, отрок?

— Меня зовут Волька, — ответил наш герой, продолжая раскачиваться под потолком.

— А имя отца твоего, да будет он благословен во веки веков?

— Папу моего зовут Алеша... то есть Алексей.

— Так знай же, о превосходнейший из отроков, звезда сердца моего, Волька ибн Алеша, что я буду делать впредь все, что ты мне прикажешь, ибо ты меня спас из страшного заточения, и я твой раб.

— Почему ты так чихаешь? — осведомился ни с того ни с сего Волька.

— Несколько тысяч лет, проведенных в сырости, без благодатного солнечного света, в глубинах вод, наградили меня, недостойного твоего слугу, хроническим насморком. Но все это суцая чепуха. Повелевай мной, о мой юный господин! — с жаром закончил Гассан Абдурахман ибн Хоттаб, задрав вверх голову, но продолжая оставаться на коленях.

— Я желаю немедленно очутиться на полу, — неуверенно промолвил Волька.

И в то же мгновение он оказался внизу, рядом со стариком Хоттабычем. Первым делом Волька схватился за штаны. Штаны были абсолютно целы. Начинались чудеса.

IV. ИСПЫТАНИЕ ПО ГЕОГРАФИИ

— Повелевай мной, — продолжал старик Хоттабыч, глядя на Вольку преданными, собачьими глазами. — Нет ли у тебя какого-нибудь горя, о Волька ибн Алеша? Скажи, я помогу тебе. Не гложет ли тебя тоска?

— Гложет, — отвечал застенчиво Волька. — У меня сегодня испытание по географии.

— Не беспокойся, о мой повелитель! — возбужденно заорал старик. — Знай же, что тебе неслыханно повезло, о красивейший из отроков, ибо я больше всех джиннов богат знаниями по географии, я — твой верный раб Гас-сан Абдуррахман ибн Хоттаб. Мы пойдем с тобой вместе в школу, да будут благословенны ее фундамент и крыша! Я тебе буду незримо подсказывать ответы на все вопросы, и ты прославишься среди учеников твоей школы и среди учеников всех школ твоего великолепного города.

— Замечательно! — сказал Волька.

Он уже открыл дверь, чтобы пропустить вперед себя Хоттабыча, но тут же снова закрыл ее.

— Придется тебе сменить одежду.

— Разве мои одежды не услаждают твой взор, о достойнейший из Волек? — огорчился Хоттабыч.

— Безусловно услаждают, — дипломатично ответил Волька, — но все же слишком уж они будут бросаться в глаза в нашем городе.

Через две минуты из дома, в котором с сегодняшнего дня проживала семья Костыльковых, вышел наш герой, держа под руку старика Хоттабыча. Хоттабыч был великолепен в новой пиджачной паре из белого полотна, украинской вышитой сорочке и твердой соломенной шляпе канотье. Единственной деталью его туалета, которую он ни за что не согласился сменить, были туфли. Ссылаясь на мозоли трехтысячелетней давности, он остался в вычурных, богато расшитых золотом и серебром туфлях, которые в свое время свели бы, наверное, с ума самого большого модника при дворе калифа Гарун аль Рашида...

— Костыльков Владимир! — торжественно провозгласили за столом, где сидела комиссия.

